

Еще раз о семантике прилагательных

Н.Е. Сулименко
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

С именем А.Х. Востокова связана традиция рассмотрения имени прилагательного как самостоятельной части речи, выделенной из общей категории имени, а понятия признака как рядоположного понятиям предмета и действия. В истории русских грамматических учений В.В. Виноградов отмечал его «крупные успехи в развитии самостоятельной нашей отечественной науки о грамматическом строе русского языка» [Виноградов 1978: 49]. В указателе имен книги «Русский язык (грамматическое учение о слове)» более 50 ссылок относится к работам А.Х. Востокова и, прежде всего, к его «Русской грамматике», автора которой В.В. Виноградов считает одним из наиболее заслуженных «старых грамматистов» [Виноградов 1972: 37].

Семантическая характеристика имен прилагательных как единиц лексического уровня языка невозможна без обращения к категориально-грамматической и категориально-лексической (тип лексического значения) основе их лексического значения. Более того, недостаточная проясненность значения качества как категориально-грамматического не позволяет почувствовать семантическую специфику ЛГР прилагательного и то общее, что делает входящие в них слова словами одной части речи. Последнее оказалось особенно значимым в интегральных концепциях языка, в его когнитивно-дискурсивных версиях. То, что было представлено в рамках логико-грамматического направления и в отечественной традиции разработки содержательных основ данной части речи, получает новую интерпретацию в свете антропоцентрического подхода к языку.

На пути к ней особую роль сыграли труды А.А. Потебни, А.М. Пешковского, Л.П. Якубинского, В.В. Виноградова и мн. др. Так, на генетическую близость прилагательных и существительных, синкретизм исходных имен, большую «качественность» древних существительных указывали А.А. Потебня и Л.П. Якубинский (генетическая первичность относительных прилагательных, былая возможность образования степеней сравнения типа бережЕе, сохранение чувственных образов в названиях цветов, то есть следов то-

го времени, когда свойство мыслилось так же конкретно, как вещь (*голубой – цвет шейного оперения голубя*), реликты былых соединений типа *зелень – трава* (ср. *кремень – человек*). Развитие качественных высказываний из голофраз детской речи, явления лексико-семантической сверхгенерализации при усвоении семантики качественности, когда одним и тем же словом называется предмет и его признак (известно, что в онтогенезе повторяются тенденции процесса филогенеза), подтверждают отмеченные закономерности (ср., например, исследование М.Д. Воейковой).

Диалектика вещи и ее свойства, особенно актуальная в процессах формирования категориальной основы имен прилагательных, описана А.А. Потебней: «По мере того, как связь прилагательного относительного с его первообразным существительным становится в сознании более и более отдаленною, увеличивается его отвлеченность, безотносительность, качественность, ибо качественность прилагательного есть лишь другое имя его безотносительности» [Потебня 1977: 527]. Важно указание А.М. Пешковского на потенциальную качественность любого относительного прилагательного, поскольку это именно прилагательное, и вторичность для его значения оттенка предметного отношения, что позволяет разграничить в структуре имен прилагательных разные типы языковой семантики (лексическую, словообразовательную) [Пешковский 1956: 83]. Ведь известно, что суть разницы между разрядами имени прилагательного «лексико-семантическое и экспрессивно-стилистическое» [Современный русский язык 1952: 77], а граница между ними «по большей части проходит внутри одного и того же слова, будучи обусловлена дифференциацией его значений» [Виноградов 1972: 204]. Таким образом, для семантики имен прилагательных и их разрядной характеристики определяющими выступают категориально-грамматическое значение качества и категориально-лексические характеристики, определяемые типами лексических значений. Не случайно А.М. Пешковский писал о слове «какой» как идеальном выразителе идеи качества, более того, семантика местоименных слов рассматривается в качестве «смыслового исхода» для квалификации слов полнозначных (Н.Ю. Шведова, А.В. Кравченко и др.), а в детской речи «такая-сякая» служит сигналом к употреблению признаков слов [Воейкова 2004: 78].

Тем не менее, имя прилагательное, называя признак предмета, сохраняет отчетливую зависимость от имени существительного отнюдь не только по своим формальным характеристикам (формам словоизменения, синтаксической позиции и т.п.). Целостность, многопризнаковость значения производящего имени порождает комплексность соотносительных значений относительных прилагательных, сопровождаемых словарной пометой «Относящийся к...». Дальнейшая семантическая дифференциация происходит уже на собственно лексическом уровне с выделением «базисных» признаков, отражающих «заинтересованность» человека в тех сторонах вещи, обозначенной исходным существительным, которые важны прежде всего для операций (в широком смысле слова) с нею. Поэтому принятые в характеристике ЛГР прилагательных термины «субъективно- и объективно характеризующие» (А.Н. Шрамм) в значительной мере условны. Это особенно отчетливо просматривается в моделях регулярной многозначности относительных прилагательных, описанных Ю.Д. Апресяном. Ср., например: 1. являющийся X (военные операции), 2. со-

державший X (золотой песок), 3. сделанный из X (золотое кольцо), 4. каузирующий X (золотой прииск, угольные копи, урановый рудник)...7. предназначенный для X (военная операция) [Апресян 1974: 211]. В семантике относительных прилагательных ассоциативно-деривационные связи с производящим именем существительным особенно прозрачны (хотя они не исключены и для качественных прилагательных). Однако для первых важна двойная мотивация именем (справа и слева), ибо в синтагматике проявляется обратимость отношений и имеет значение, какие определяемые допускают номинацию признака с помощью имени прилагательного, и это тоже сигнал зависимости от существительного, как и первичная для класса прилагательных атрибутивная функция. Видимо, одной из причин редукции многих значений относительных прилагательных в истории языка явилась свойственная им широта общего значения предметного отношения и включение их в категорию имени прилагательного с развившимся значением качества, общим для всех разрядов (ср. выход из употребления сочетаний домовая крыша, столовая ножка и др.). Рассматривая относительные прилагательные с пространственным и временным значением, В.М. Павлов отмечал: «в случаях постоянного и типичного отношения на них наслаивается выражение признаков, характерных для типа предметов (стенные часы)» [Павлов 1960: 68].

Таким образом, традиция разработки семантики имен прилагательных во многом определялась представлениями о связи логических категорий вещи и признака, о соотношении языка и мышления. В поисках онтологических основ выделения частей речи значимы и те концепции, которые сложились в системно-структурной парадигме и предшествовали интегральному подходу к языку, приближая его. Особо следует отметить противопоставление имен существительных как слов с нейтральным значением словам других частей речи на базе выделенной совокупности различительных признаков М.В. Пановым.

Исключительно важное значение для квалификации частей речи в современной парадигме и для дискуссии, ей предшествовавшей, развернувшейся на страницах сборника «Вопросы теории частей речи» [1968], имела статья Л.В. Щербы «О частях речи в русском языке» [1974] с указанием автора на естественный характер классификации слов по частям речи и на то, что яркость отдельных категорий неодинакова. Тем самым подчеркивался дискретно-континуальный, вероятностный характер частей речи, наличие в них переходных случаев. Полевая их структура представлена в работах А.Е. Супруна, В.Г. Адмони, в исследованиях по функциональной грамматике и т. д.

Когнитивно-дискурсивный подход снимает многие вопросы классификации слов по частям речи, позволяет провести иную интерпретацию многих хорошо известных традиционных положений. В интегральных концепциях языка фокус внимания сдвигается с системно-структурных характеристик в сторону коммуникативных, когнитивно-дискурсивных свойств языковых единиц, в сторону речемыслительной деятельности и языкового поведения говорящего субъекта. В этих ориентациях наиболее онтологичным предстает разделение слов и их значений на предметные и признаковые, идентифицирующие и предикатные, референтные и сигнификативные, вещные (имена аргументов) и признаковые (предикатные) (С.Д. Кацнельсон, Н.Д. Арутюнова, М.В. Никитин, Т.Б. Алисова и др.), получают свое объяснение отношения ве-

щи и признака, прилагательного и существительного, спорный вопрос о референтности прилагательных, о прототипичности их значений и отклонениях от прототипа и мн. др.

Этот круг вопросов так или иначе затрагивается в новом издании книги Е.С. Кубряковой «Части речи в когнитивном освещении» [2004]. Так, ею вскрывается диалектика внешней и внутренней реальности, значимость вещи и ее признаков в процессе восприятия, в активном взаимодействии человека с миром: «люди ведут себя по отношению к объектам сообразно их объективным характеристикам», в которых заложены условия деятельности с ними. Но и «эволюция органов чувств должна была происходить в таком направлении, которое могло бы обеспечить человеку правильную ориентацию в этом мире и создать все для способности верно отражать окружающую среду и для эффективного взаимодействия с нею» [Кубрякова 2004: 90, 93]. Предмет, вещь воспринимается перцептивно, как совокупная целостность признаков, как единство целого и части, в опоре на это противопоставление и формируются категории предмета и признака-атрибута. По замечанию Е.С. Кубряковой и ее зарубежных коллег, «в обозначениях стабильных сущностей прилагательное не так уж сильно отличается от существительных», «они делят свойства стабильности, более определенной референции и даже сенсорной чувствительности»; стабильные признаки (цвета, формы, вкуса, веса и т. п.) «вычлениваются из объекта, а объект “состоит” из признаков; предмет и признак имплицитно друг друга – не может быть объекта без признаков, а признаки не существуют автономно или самостоятельно» [Кубрякова 2004: 250, 259]. Пафос этих утверждений – не столько в разделении существительных и прилагательных, сколько в их сближении, это, в частности, оправдывает закон обратимости синтагматических отношений в лексике и возможность исследовать семантику прилагательного не только со стороны семантически реализуемого слова, но и со стороны ключевого для него существительного. Но «даже если считать, что вещи существуют как наборы свойств, прилагательные все равно отличаются от существительных, ибо фиксируют какое-либо одно свойство» [Кубрякова 2004: 157]. Принимая данные положения, следует уточнить понятие стабильности, отграничив его от смежных понятий – постоянства, неизменяемости признака, которые значимы для относительных прилагательных с их объективно-характеризующей функцией, не допускающей нюансировки признака со стороны субъекта, его временной актуализации (ср. также невозможность образования степеней сравнения, кратких форм, ограниченность состава и типов парадигм, окачествление при включении субъективных моментов, связанных с метафоризацией, и т. д.). Качественные прилагательные с их субъективно-характеризующей функцией также не могут не называть конвенционально установленных стабильных признаков, что и делает их элементом семантической системы словаря, однако им приписывают то «потенциальную атемпоральность» (Т.В. Булыгина), то «латентную предикативность» (С.В. Постникова). Верно и то, и другое. Качественные прилагательные, наиболее близкие к своему признаковому партнеру, предикату, по преимуществу – глаголу, не могут не проявлять этой близости в семантике и функционировании, прежде всего при употреблении краткой формы, знаменующей актуальное свойство, близкое к состоянию. Именно предикатные слова специализируются на передаче

того нового, во имя которого строится высказывание с его интенциональностью, эгоцентризмом и временной приуроченностью, которую обеспечивает и краткая форма качественных прилагательных, правда, в обязательном употреблении с глагольной связкой. Другое дело, что предикатная функция для прилагательных выступает в качестве вторичной. Вместе с тем, проекции элементов структуры предложения (модальность, синтаксическое время и лицо) в семантику кратких форм, обязательность присутствия этих элементов отягощают коммуникативную значимость кратких форм и сказываются на многообразии их функций в пределах высказывания, в использовании кратких форм в разных функциональных подсистемах языка и разных типах текстовых фрагментов (демонстрационном, сентенционном, информационном, по типологии С.Г. Ильенко). Не случайно изучение позитива указывает на первичность для него функции обозначать «целостный, нерасчлененный с количественной стороны признак» и вторичность функции «выражать значение средней, нормальной степени проявления признака» [Воротников 1998]. Характерно, что понятие нормы во многом определяется свойствами предмета с точки зрения «заинтересованности» в нем человека и возможностей его использования: «Для многих линейных предметов, особенно артефактов, – пишет А.В. Кравченко, – норма определяется удобством манипуляции этими предметами человеком – ...“(не)большой в обхвате”»: толстое бревно, колбаса... Для многих предметов – натурфактов (дерево, волос, сосулька) нормой чаще всего является некоторая среднестатистическая величина. Для плоских предметов-артефактов (стена, доска, бумага) норма чаще всего определяется условиями функциональной утилитарности» [Кравченко 2004: 45]. Таким образом, «человеческий фактор» задействован в семантике и относительных, и качественных прилагательных, последние из которых в своих первичных значениях также увязаны с перцептивными возможностями человека по освоению мира: отсюда их деление на эмпирические и рациональные (А.Н. Шрамм) и включение образно-оценочных моментов при окачествлении относительных прилагательных. Метафора, обособляя один из признаков, отвлекаясь от их совокупности, является универсальным средством концептуализации абстрактных сущностей, позволяя соотносить уже известную информацию, закрепленную в исходном значении, с новой, соотносить мир физических и духовных сущностей. Не случайно в зоне лексически связанного значения, обращенного к миру абстрактных сущностей, к тому, что человек «думает о мире» (Н.Д. Арутюнова), к миру психической реальности, качественные и относительные прилагательные смыкаются в своих характеристиках, ср.: *тяжелый* (о чувствах, переживаниях), *мертвый* (о науках, знаниях и т. п.), *твердый* (о человеке и его характере), *сердечный* (о человеке, его характере), *нервный* (о работе, жизни) и т. п. Тем не менее, интерпретационный момент, как мы видели, присутствует в семантике обоих разрядов даже в свободно-номинативном значении входящих в них слов, определяя признаки предметов «по мерке человека» (ср. соотношенность со схемой тела человека и его физическими возможностями первичных, прототипических значений прилагательных *тяжелый*, *легкий*, *высокий*, *глубокий*, *крупный* и др.). Постоянно идущие в сознании переходы от визуального – и шире – перцептивного кода к вербальному, связывающие такие психические процессы, как воображение, эмоции, оценки, абстрактное мышление, во многом объ-

ясняют взаимодействие слова, обозначающего признак, с первичной средой его бытования – именем существительным. На базовом уровне категоризации и относительные, и качественные прилагательные смыкаются в своей обращенности к миру «вещей», по-разному маркируя эту обращенность в типе основного, свободно-номинативного значения: или через корневую общность с производящим именем и синтагматические модели связи с кругом привлекаемых имен, или только вторым способом. Как бы то ни было, связь прилагательного с существительным оказывается более тесной, чем предполагалось до сих пор, не только по формальным признакам. В кругу прилагательных фразеологически связанного значения с первичной для них атрибутивной функцией смыкаются имена качественные и относительные, что фиксируется словарной пометой «спец.» и «в названиях...»: *привычный* (вывих. Спец. повторный), *свободный* (удар, вектор, член и др.), *шариковая* (бомба. спец), *лучистая* (энергия. спец), *ложный* (акация, ребра), *тропическая* (малярия, лихорадка), *согласный* (звук. спец). Обращенность имен прилагательных к «миру» в процессах его концептуализации происходит не непосредственно, а обуславливается языковыми механизмами интерпретации признаков: зависимостью от имени существительного, имплицитными указаниями на присутствие познающего мир субъекта и его деятельность с объектами. По словам А.В. Кравченко, «языку присущи как бы две “оси бытия”»: ось сознющего наблюдателя и ось познающего деятеля» [Кравченко 2004: 82]. За репрезентацией слова во внутреннем лексиконе, его энграммой «стоит всегда значительная совокупность знаний о слове как языковом знаке с его интерпретантами, но также и набор знаний об объекте, названном данным словом» [Кубрякова 2004: 65]. Связь с именем существительным, зависимость от категории предметности проявляется у прилагательных в том, какие свойства предмета открываются, осознаются говорящим в деятельности с объектом как выделенной в восприятии целостностью. В этих ориентациях получает утвердительный ответ дискутируемый вопрос о референтности имен прилагательных: «референтная самостоятельность выступает как следствие перцептуальной отдельности и выделенности некоторых объектов (лиц, предметов, физических тел), а также их **частей (атрибутов)**» [Кубрякова 2004: 226]. С помощью имен прилагательных проводится параметризация аргументов в построении высказывания: «прилагательные детализируют или ограничивают, уточняют или специфицируют, то есть модифицируют представления об актантах, внося свой вклад в их идентификацию и описание» [Кубрякова 2004: 227]. На комплексном, референциально-прагматическом статусе признаков слов настаивает и С.В. Постникова, исследуя разряды прилагательных в современном немецком языке [1992: 12]. Ее аргументация связана с включением в понятие предметности также «предметности» мысли, в том числе качества и отношения. Когнитивный подход требует включения этих структур знания – концептов – в понимание референтности имен прилагательных, что связано с относительной автономностью ментальных репрезентаций (представлений, понятий и т. д.) и их языковой привязки. В ряду основных концептуальных признаков качества ею выделены: 1) предметная «привязанность», 2) его автономность и связанная с ней широкая сфера приложимости, 3) «открытость» по отношению к категории эмоциональной оценки. В ряду других отмечены «стативность, внут-

ренняя присущность (ингерентность) по отношению к предмету-носителю, постоянность/временная ограниченность», проявляющиеся в латентных, актуализирующихся в контексте семах [Постникова 1992: 16]. Когнитивному рассмотрению подвергаются и АК с их делением на клишированные ассоциативные свободного типа, но несущие печать национально-культурной специфики (*темный лес, золотая осень, малиновый звон, белое солнце пустыни*) и ряд других типов. Среди них – номинирующие АК (*молодой человек, вечный двигатель, ночная кукушка*), свободные, но не выдерживающие тест на предикацию и близкие к ФЕ. Кроме того, отмечены АК клишированного типа (*святой отец, черный ворон, розовые очки, белый дом, сарафанное радио*) и АК отрицающего типа (*деревянные лошади, искусственные цветы, фальшивые деньги*) [Юдина 2005]. Во многих примерах видна «двойная» детерминация семантики прилагательного существительным: со стороны производящего и со стороны ключевого слова, определяющего тип лексического значения прилагательного уже на уровне лексической системы в ее отношении к системе ФЕ. Думается, однако, что новый концепт в этих комплексах создается только в случаях метафорического переосмысления всего АК или его субстантивного компонента, но не атрибутивного. Поэтому вряд ли справедливо относить сюда обороты типа *белый гриб* (это, по О.С. Ахмановой, ограничительный АК, общий для разряда качественных и относительных прилагательных), *красная волчанка, синий цвет, белые ночи, белая гвардия, белая горячка*. Ср. возможность образования на базе компонентов этих АК самостоятельных номинаций типа «*белые*» (о белогвардейцах), *боровик* (белый гриб), *горячечный* (бред), независимо от вида горячки, *ночнушка* (ночная рубашка), независимо от вида ночи.

Естественные классификации, какой предстает и классификация слов по частям речи, объединяют единицы с неравным статусом, что допускает возможность отклонений от прототипа, создания прототипического эффекта, но не снимает вопроса о прототипическом значении той или иной категории: «слово является представителем своей части речи, своего лексико-семантического разряда и, наконец, тех обязательных для части речи грамматических значений, которые эту часть речи отличают» [Кубрякова 2004: 67]. Прототипическим для прилагательного выступает значение качества предмета как его непроцессуального признака, присущего предмету или открываемого в нем. Наиболее полно характеризует прилагательное как часть речи и выступает ее лучшим представителем прилагательное качественное, имеющее наиболее полный набор признаков части речи, постепенно вырождающихся в прилагательном относительном. Особенно отчетливо это вырождение признаков выступает в зоне фразеологически связанного, периферийного для части речи значения, на переходе от лексической системы к системе ФЕ. Правда, категориально-грамматическое значение слов здесь корректируется категориально-лексическим, связанным с неоднотипностью лексических значений в семантической системе словаря. Неодинаковое положение отдельных слов в составе части речи на лексическом уровне подтверждается вырождением типов парадигм и состава их членов у относительных прилагательных, что лексикографически подчеркнуто неодинаковыми способами семантизации слов разных разрядов, изменением таких способов только в случае развития значений в

сторону грамматически маркированного разряда качественных прилагательных. Прототипический эффект в этих случаях возникает на базе включения в процесс концептуализации структур воображения, оценки, эмоций, что создает изменчивость, подвижность качественного признака, при этом действует принцип «семейного сходства», когда смысловая структура слова передает и сохраняет отдельные черты прототипа. Здесь, видимо, следует подчеркнуть, что понятия прототипа на грамматическом и лексическом уровне не тождественны, ибо для организации смысловой структуры слова, за которой стоят разные слои концепта, прототипическим может оказаться исходное значение и качественного, и относительного прилагательного. Когнитивные основы лексических значений слов и явления многозначности в иных терминах уже были отмечены В.В. Виноградовым. Так, он отмечал скрытые концептуальные сущности, стоящие за словоупотреблением: «Вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» [Виноградов 1972]. Он видел «слоистое» строение концепта, стоящего за словом: «Язык обогащается вместе с развитием **идей**, и одна и та же внешняя оболочка слова обрастает побегами новых значений и смыслов... Изучение изменений в принципах сочетания словесных значений в **«пучки»** не может привести к широким обобщениям, к открытию семантических законов – вне связи с общей проблемой **истории общественных мировоззрений, с проблемой языка и мышления»** [Виноградов 1972: 16–19]. Это напоминает высказывание О. Мандельштама о слове как пучке смыслов, которые торчат из него в разные стороны.

Возвращаясь к именам прилагательным и их связи с существительным, следует отметить роль корня слова как зародыша концепта, как стимула в развитии ассоциаций по горизонтали, в межсловной деривации, и по вертикали, на внутрисловном уровне (ср. явление отраженной полисемии в кругу относительных прилагательных и дальнейшее развитие ими качественных значений). Когда Л.В. Щерба писал о том, что содержание слов *веселый, веселье, веселиться* в известном смысле тождественно, но воспринимается сквозь призму разных общих категорий, он также указывал на роль языковой категоризации в развертывании глубинной семантики, на роль концепта, эксплицируемого не только структурой многозначного слова той или иной части речи, но и структурой семантического поля, деривационных рядов и гнезд. Подобная концептуальная общность, видимо, и была одной из причин утверждения о «фиктивности семантического критерия» при определении частей речи (А.А. Леонтьев).

Совокупность концептов, отражаемых в языковой картине мира, связана и с разрядной семантикой имен прилагательных, ею определяется состав лексико-семантических групп слов, объединяемых классификационной функцией как первичной для относительных прилагательных с их тематической ориентацией, с одной стороны, и качественно-характеризующей как первичной для второго разряда с его возможной рематической ориентацией, с другой.

Исследователи говорят о едином когнитивно-дискурсивном подходе к словам, объединяемым в пределах той или иной части речи, прежде всего потому, что уже в процессе номинации были заложены те функции, во имя кото-

рых и создавалось слово, и это относится не только к синтаксическим функциям, но и к позиционированию слова на функционально-стилистической шкале и в тех дискурсивных практиках, которые оно призвано обслуживать. По словам Е.С. Кубряковой, «...лексическое значение единицы «пропускается» через особый категориальный фильтр и согласовывается с предназначенностью единицы для выполнения ею определенных синтаксических и/или дискурсивных функций» [Кубрякова 2004: 219]. При этом стратегии нормативного использования слова в дискурсивных построениях определяются его когнитивными признаками: в знания о слове входит не только схема действий с реальным объектом, обозначаемым словом, но и «схема действия со словом как таковым» (Е. С. Кубрякова). Участие среды в формировании и постоянном поддержании (и изменении) содержательной стороны слова в значительной мере определяет идиоматичность его лексического значения, глобальную интертекстуальность языка. Об этом в разной связи писал В.В. Виноградов; в частности, рассматривая семасиологические взгляды М.М. Покровского, он отмечал их дифференцированность и конкретность по отношению к семантическим закономерностям «изменений значений слов, объединенных социально-исторической общностью, принадлежностью к одной профессиональной среде, например, к торговой сфере (понятиям ярмарки, рынка), к весовой системе (к именам меры и веса), к «языку» обедов, пиров, к «языку» игр и зрелищ и т. д., к военной терминологии, к общественно-политической лексике и т. п.» [Виноградов 1978: 193]. Когнитивно-дискурсивный подход также учитывает идеографические подразделения лексики, ее ЛГР, связанные с определенными фрагментами знаний о мире и обслуживающими их дискурсивными практиками. Ср. еще: «Одни и те же названия в разные эпохи обозначали разные предметы и разные понятия. С другой стороны, каждая социальная среда характеризуется своеобразием своих обозначений. Поэтому одно и то же слово как указание на предмет включает в себя разное содержание в речи разных социальных или культурных групп... **функциональные и социально-бытовые** связи вещей отражаются на исторической судьбе названий» [Виноградов 1972: 16-19]. Деятельностные концепции значения, связанные с разными практиками, разрабатывает и современная психосемантика. Так, В.Ф. Петренко рассматривает значение не просто как набор компонентов, а как «превращенную форму деятельности», производную от этой деятельности.

Лексические значения качественных и относительных прилагательных в их первичных функциях связаны с различными ментальными стратегиями: характеристики, субъективной оценки и классификации, что, однако, не исключает использования их значений во вторичной для ЛГР функции и особенно отчетливо проявляется на периферии смысловой структуры слова, соотнесенной с парадигматическим строением всей части речи и ее разрядов. В процессе деятельности с объектом, его познания, «из объекта как бы вычерпывается все новое содержание, он как бы поворачивается каждый раз другой своей стороной, в нем выявляются все новые **свойства**» [Петренко 1997: 21]. Ср. хотя бы некоторые новые значения имен прилагательных, отмечаемые словарями неологизмов: *гуманитарный* – «Имеющий целью защиту общечеловеческих ценностей, интересов», *горловой* – «Основанный на грубости, нажиме, окрике», *звездный* – «Свойственный знаменитости, звезде», *индивидуальный* –

«Связанный с разрешенной общественно-полезной деятельностью человека, не состоящего в штате государственного, кооперативного или общественного предприятия, учреждения; частный». В них отчетлива связь с определенными видами деятельности человека, определяющей предпочтительность их в тех или иных сферах употребления, видах дискурса.

Текстовые функции имен прилагательных разных разрядов и ЛСГ раскрываются в серии специальных исследований, отражают различные дискурсивные практики и заслуживают отдельного рассмотрения.

Литература

- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
- Виноградов А. В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
- Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. Изд. 2.
- Воейкова М. Д. Качественные семантические комплексы и их выражение в современном русском языке и в детской речи. АДД в форме научного доклада. СПб, 2004.
- Вопросы теории частей речи. Л., 1968.
- Воротников Ю. Л. Позитив в системе степеней качества // Известия РАН, серия лит. и языка, т. 57. 1998. № 6.
- Кравченко А. В. Язык и восприятие. Иркутск, 2004.
- Кубрякова Е. С. Язык и знание. М., 2004.
- Павлов В. М. О разрядах имен прилагательных в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 2.
- Панов М. В. О частях речи в русском языке // НДВШ ФН. 1960. № 4.
- Петренко В. Ф. Основы психосемантики. М., 1997.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Постникова С. В. Разряды прилагательных в современном немецком языке. АДД. СПб., 1992.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1977. Т. 4. Вып. 2.
- Современный русский язык. Морфология / Под ред. В.В.Виноградова. М., 1952.
- Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Юдина Н. В. Что в «имени» тебе моем? (о сочетаемости имен существительных и прилагательных в когнитивном аспекте) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. Т.6. № 1.